

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03

И. Б. Ломакина

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ichestnov@gmail.com

ПОСТГУМАНИЗМ КАК ВЫЗОВ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

Аннотация. В статье обсуждается такое сложное, противоречивое явление, как постгуманизм. Цель статьи — раскрыть его содержание, а также продемонстрировать, как идеи постгуманизма влияют на правопонимание. Методологией исследования является постклассическая научно-исследовательская программа. В статье критикуется утверждение постгуманистов о необходимости признания правосубъектности животных и неодушевленных объектов; такой подход признается как необоснованный. В то же время утверждается, что отношение к природе необходимо пересматривать, в том числе развивать правовое регулирование отношения человека к природе. Ставится проблема свободы воли, имеющей важное для юриспруденции значение. Отстаивается положение о том, что свобода воли сохраняет свое значение для правосубъектности, даже с учетом новейших нейронаучных исследований в этой области.

Ключевые слова: постгуманизм; антропология права; правосубъектность; свобода воли.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03

I. B. Lomakina

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
ichestnov@gmail.com

POSTHUMANISM AS A CHALLENGE TO THE ANTHROPOLOGY OF LAW

Abstract. The article discusses such a complex, contradictory phenomenon as posthumanism. The purpose of the article is to reveal its content, as well as to demonstrate how the ideas of posthumanism affect the understanding of law. The research methodology is a postclassical research program. The article criticizes the posthumanists' statement about the need to recognize the legal personality of animals and inanimate objects; this approach is recognized as unfounded. At the same time, the article argues that the attitude to nature needs to be reviewed, including the development of legal regulation of human relations to nature. The problem of free will, which is important for jurisprudence, is raised. The position is defended that freedom of will retains its importance for legal personality, even taking into account the latest neuroscientific research in this area.

Keywords: posthumanism; anthropology of law; legal personality; freedom of will.

Введение

Антропология права — одно из важных, интересных и перспективных направлений в современной юриспруденции. Социокультурная антропология права знаменует и одновременно завершает антропологический поворот в социогуманитарном знании и являет собой важное направление в постклассической юриспруденции. Провозгласив человека центром и основанием правовой системы, постклассическая социокультурная антропология права показывает, как человек конструирует правовую реальность в историческом и социокультурном контексте и воспроизводит ее своими практиками. Антропологический подход наглядно показывает, что право не сводится только к формам его внешнего выражения, оно включает (и ставит на первое место) мотивацию, смыслы и значения, которые используются людьми в восприятии, категоризации и квалификации социального мира, в процессе перевода некоторых социальных ситуаций в разряд юридических. Это, несомненно, свидетельствует об эвристическом потенциале данного направления или научно-исследовательской программы [5; 9].

В то же время последние двадцать лет ознаменовались новой тенденцией в постсовременном науковедении, поставившей под сомнение основные положения человекомерности социального бытия и, соответственно, права. Речь идет о так называемом постгуманизме. Если гуманизм — венец философии Нового времени, включая экзистенциализм середины XX века, — олицетворяет человека, творящего как себя, так и мир вокруг себя¹, то постгуманизм провозглашает «смерть человека» (первым об этом заявил в 1946 году А. Мальро, писатель, политический деятель, близкий к де Голлю [4]) как его поглощение структурами². Человек превращается в «винтик в машине», или в функцию в системе регулируемого и организуемого государством общества, в правовой статус — в структуре нормативных правовых актов. Сохраняет ли он свободу воли как основание правосубъектности, как происходит процесс правотворчества (уместен ли такой термин, как творчество, в постгуманизме?) и правореализации, ответственен ли он за свои деяния? Вот далеко не полный перечень вопросов, который связан с приходом постгуманизма. Прежде чем попытаться дать сколько-нибудь внятный ответ на них, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть содержание феномена, именуемого постгуманизмом.

Методология исследования

Методологией настоящей работы является постклассическая научно-исследовательская программа, которую развивают авторы на протяжении последних двадцати лет. Ее содержание образуют принципы конструктивизма, исторического и социокультурного контекстуализма, человекомерности правовой реальности. В то же время методологией работы явился принцип критического конструктивизма существующих подходов.

Основное содержание исследования

Пришествие постгуманизма обусловлено как изменениями в техническом оснащении и организации социальной жизни, так и разочарованием в реализации идеалов гуманизма на практике³. Новые технологии, прежде всего цифровые (или дигитализация), как считают их адепты, кардинально трансформируют

¹ Суть гуманизма, по мнению Ю. Харари, состоит в том, что вера в человека заменила веру в Бога [11, с. 261, 262].

² Парадокс состоит в том, что реализация гуманистического идеала, по справедливому замечанию Ю. Харари, «подрывает его собственные основы, высвободив новые, постгуманистические технологии» [11, с. 325].

³ Ко всему прочему, по мнению Л. Альтюссера, антигуманизм (или агуманизм) присущ уже марксизму, так как в нем социальная жизнь представлена отношениями между классами, организуемыми идеологией, а не между людьми [4, с. 182].

человека и его окружающий мир. Система (информационные алгоритмы) стала понимать людей лучше, чем они понимают себя сами, и принимает большинство важных решений за них [11, с. 384]. Одновременно во второй половине XX века произошло разочарование в науке, которая, как оказалось, не смогла дать ответы на все вопросы, а тем более разрешить социальные противоречия и моральные антиномии⁴.

Постгуманизм как философское течение, развивая идеи позднего М. Хайдеггера и постмодернистов⁵, основное внимание уделяет осмыслению феномена постчеловека. Последнему отказано в привилегированном положении, по сравнению с другими «нечеловеческими сущностями». Самого же человека философы-постгуманисты трактуют как «гибрид»⁶. В этом аспекте постгуманизм близок трансгуманизму (хотя и отличается от него в некоторых моментах), в котором постулируется радикальное преобразование человека на основе современных технологий. Еще одно примыкающее к постгуманизму явление — антигуманизм, радикально критикующий и деконструирующий человека как «меру всех вещей» [10, с. 27].

В целом постгуманизм — это то, что приходит на смену гуманизму.

Новые открытия в естественных науках, прежде всего в нейронауках, дают основания некоторым теоретикам права в духе постгуманизма находить основания права в биологии (или физиологии) человека. Так, А. В. Поляков в последних своих публикациях обстоятельно доказывает, что принцип взаимного признания как сущностное основание права и другие фундаментальные правовые ценности (они же принципы права) коренятся в наследуемых рефлексах [6, с. 32]. Такой натуралистический поворот предполагает проникновение идей естественных наук в область социальных дисциплин, включая, конечно, и юриспруденцию. Предпосылки этому названный исследователь усматривает у наших великих до-революционных философов. «Современные исследования в области эволюционной теории, социобиологии, когнитивных исследований и нейронаук, — пишет А. В. Поляков, — в определенном смысле подтверждают как существование иррациональных основ права по Л. И. Петражицкому, так и возможность рационального подхода к правовым универсалиям, на чем настаивали его российские оппоненты» [6, с. 37]. «Нейронаучные исследования, проводимые во всем мире, — убеждает читателя основоположник постклассической теории права, — не оставляют сомнений в том, что понимание человеческого поведения, а значит, и понимание права, зависят в том числе от наших знаний закономерностей функционирования человеческого мозга, сформировавшихся в ходе эволюционного

⁴ «Никакие объемы данных и никакие чудеса математики, — изящно замечает Ю. Харари, — не могут доказать, что убивать нельзя. Однако без подобных оценочных суждений человеческие общества нежизнеспособны» [11, с. 278–279].

⁵ Постгуманизм — это «второе поколение постмодернизма», по мнению Феррандо [10, с. 25].

⁶ «Такие дуализмы, как человек/животное, человек/машина и, в целом, человек/нечеловек исследуются в рамках подхода, который не основывается на оппозиционных схемах» в философии постгуманизма [10, с. 29].

развития... Выяснилось, что естественной целью биологически закрепленных систем мотивации человека оказались социальная общность и позитивные, налаженные отношения с другими индивидами во всех формах социального взаимодействия. Таким образом, не только целью, но и сутью любой человеческой мотивации является установление взаимного признания, уважения, расположения и симпатии» [6, с. 38]. В итоге получается, что правовая ценность (и принцип права) взаимного признания постулируется универсальной, потому что является врожденной биологической константой, необходимой для выживания как отдельного индивида, так и человечества в целом.

По поводу приведенной точки зрения заметим, что в этом, собственно говоря, никакой угрозы для научно-исследовательской программы социокультурной антропологии права не обнаруживается. Обратим внимание также на то, что нами формулировалась близкая мысль о трансцендентном основании права еще в 2002 году [14]; это то, что обеспечивает самосохранение (как минимум) и процветание (как максимум) общества. В то же время, по нашему мнению, сами по себе биологические предпосылки без их преломления в социокультурные факторы не могут детерминировать поведение человека. Именно поэтому принцип самосохранения, о котором пишет А. В. Поляков в другой работе [7], является, как мы полагаем, трансцендентным (то есть выходящим и находящимся за границами права) и наполняется конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте данного социума. Поэтому биологические и социокультурные факторы взаимодополняют друг друга, о чем, впрочем, упоминает и А. В. Поляков.

Однако постгуманизм идет гораздо дальше и заявляет о необходимости кардинального изменения традиционной картины мира, сложившейся в Новое время, и, соответственно, о радикальной трансформации господствующего (или господствующих в классических типах правопонимания) представления о праве. Так, известный французский философ М. Серр рисует в катастрофических красках отношение человека к природе как паразитическое, разрушительное, губительное для самого человека [8, с. 70]. Для изменения положения дел необходимо иное представление о праве и перезаключение договора с природой. По его мнению, следует отказаться от человекоориентированного естественного права, предполагающего, что только человек достоин статуса субъекта права [8, с. 83]. Новый договор с природой, конституирующий «право совместного проживания, определяющее взаимозависимость: сколько природа дает человеку, столько он ей — как субъекту этого права — и должен отдать», провозглашает «неодушевленные объекты субъектами права» [8, с. 18, 85].

Мы полностью согласны с пафосом вселенского экологизма, с необходимостью бережного отношения к природе и расширения правового регулирования экологических отношений. Мы также считаем, что новый договор с природой — правильное и необходимое начинание, если таковой удалось бы четко сформулировать. Однако наделение неодушевленных объектов правосубъектностью — это «новое средневековье» (к которому, может быть, человечество

скатывается). Даже если признать правоспособность за природой, то ее дееспособность все равно потребует представительства со стороны человека.

Одна из важнейших проблем, с которой сталкивается философия права, идущая на поводу у нейронаучного поворота, — дилемма свободы воли и детерминизма. Устранение человеческой свободы является подлинным содержанием нейроредукционистской программы, как громогласно провозглашает немецкий философ М. Габриэль [1]. Тем самым устраняется свобода воли как основание для признания лица субъектом права и правонарушения, а тем самым и юридической ответственности (даже независимо от того, трактовать ли ее в позитивном или негативном смысле). Выдающийся криминолог Я. И. Гишинский по этому поводу достаточно безапелляционно пишет: «...Я всегда был сторонником “тотального” детерминизма, считая “свободу воли” определенной фикцией. Любой поступок, любая мысль имеет определенную детерминацию — генетическую, историческую, социальную, семейную, экономическую, политическую, культуральную и т. д., и т. п., и проч. И вот эта проблема, имеющая прямое и решающее значение для права, законодательства и правоприменения, вновь озвучена и представляет огромный теоретический и практический интерес» [2, с. 193].

В пользу такой точки зрения свидетельствуют расширительно трактуемые результаты нейрофизиологических опытов Б. Либета. В его экспериментах, которые якобы доказывают отсутствие у человека свободы воли, испытуемым предлагалось совершить какое-либо простое телодвижение, например согнуть палец или поднять руку, и зафиксировать (записать), в какой момент они приняли такое решение. Одновременно фиксировалась их активность мозга с помощью электроэнцефалографии, выявившей, что импульс мозговой активности фиксировался еще до принятия решения человеком. В результате был сделан вывод о существовании «предготовности» человека к соответствующей реакции [17]. Можно привести и другие свидетельства «запрограммированности» когнитивных процессов современного человека. В то же время отметим, что само проведение такого рода экспериментов заранее было подогнано под предполагаемый ожидаемый результат, который якобы и был получен. Дело в том, что ожидание внешнего раздражителя (а чаще всего фиксируется корреляция активности головного мозга и внешних сигналов — звуковых, световых и других) само по себе формирует соответствующую установку. Мы не отрицаем многочисленных примеров манипуляции сознанием и поведением. Кроме того, развитие цифровых технологий, как уже отмечалось, может привести к тому, что именно они начнут принимать большинство решений за нас.

Однако такого рода бессознательные реакции и манипулятивные практики отнюдь не свидетельствуют о том, что они не могут быть рационально осмыслены человеком, а человек не в состоянии сознательно руководить своим поведением. То, что витальные (биологические) потребности играют важную роль в психологической мотивации, как представляется, никто не ставит под сомнение. Но это не означает, что он не мог их осознать и осмыслить способ их реализации. Тем самым постулируется классическая теория свободной воли:

если человек как правоспособное и дееспособное лицо, то есть носитель статуса субъекта права, мог иметь реальную возможность обдумать и принять решение, то он должен за него отвечать. В случае отсутствия такой возможности (и это уже серьезная медицинская проблема) человек не может быть признан субъектом права. Правосубъектность исключается также в случаях, которые не дают возможности адекватно осознавать ситуацию и реагировать на нее, например эпилептический припадок, разные случаи потери сознания и тому подобное⁷.

Конечно, исследования в области нейронауки (включая нейробиологию, нейропсихологию, нейролингвистику и другие дисциплины) ставят много серьезных вопросов, на которые постклассическая наука, в том числе юридическая, должна адекватно реагировать. Однако не стоит впадать в панику. Дело в том, что в самой нейронауке, или нейрокогнитологии, нет четких ответов на вопрос о связи мозга и сознания, даже картография мозга пока не стала общепринятой (проблема связана с гибкостью нейронов, с их взаимодействиями и взаимодополнениями). Так, открытие зеркальных нейронов одно время выдавалось за последнее слово в науке, ссылками на них пытались объяснить все когнитивные процессы. Однако ожидания оказались явно завышенными [16]. Зеркальные нейроны аналогичны ассоциативным клеткам и фиксируют отражательную способность, а не когнитивные процессы [16, с. 593].

Поведение человека определяется как рефлекторными, бессознательными феноменами, так и сознанием. Полагаем, что важно не только исследовать физиологические основания поведения (а таковые, несомненно, чрезвычайно значимы), но и пытаться решить проблему, над которой бьется психология на протяжении не менее ста последних лет (это также по большому счету и основной вопрос социальной философии): как взаимовлияют друг на друга внешние факторы и мотивация человека? Данная проблема стала поводом для размежевания социологии уголовного права и антропологии преступности еще в конце XIX века. Постклассическая социокультурная антропология права как раз и призвана примирить внешний детерминизм исторического и социокультурного контекста и конструктивизм, структурализм и постмодернизм [13].

Вышеизложенное дает основание заявить, что все рассуждения об агентности животных⁸ или даже неодушевленных предметов, включая технические устройства (например, самообучающиеся роботы), не более чем эпатаж. Когнитивные процессы, по крайней мере понятийное мышление, — удел человека.

⁷ Перечень таких казусов, исключающих уголовную ответственность, приводит Г. Харт [12, с. 265].

⁸ Популяризатор нейронауки У. Коннолли пишет, что обезьяны с зеркальными нейронами прекрасно определяют намерения других сородичей и даже иных живых существ и соответственно реагируют на них. Зеркальные нейроны позволяют им не просто подражать другим обезьянам, но включать коррективы своего поведения в зависимости от понимания намерений контрагента. Более того, по мнению Коннолли, «внечеловеческие процессы» обладают характеристиками или семейным сходством, близким к человеческой агентности. Например, бактерию влечет к сахару, она стремится к нему, как к цели. При достижении цели она чувствует удовлетворение [15, р. 23–27].

Только человек может адекватно (прогнозируя последствия) воспринимать мир и себя в мире и совершать благодаря этому ответственные за предполагаемый результат действия. Впрочем, это не отрицает необходимости изменить потребительское отношение человека к «нечеловеческим» объектам на бережное, на чем справедливо настаивают сторонники постгуманизма (хотя тут больше вопросов, чем ответов: например, допустимо ли человеку употреблять в пищу мясо животных или растения, если они обладают агентностью?).

М. Габриель, упоминаясь нами выше, обосновывает специфику человеческой агентности (а тем самым — правосубъектности, если все это перевести на юридический язык) через различение «жестких причин» и «оснований». Под «жесткими причинами» он понимает детерминирующие факторы. Например, мозг работает таким образом, что некоторые нейронные процессы могут принудительно вызвать определенное событие. Так, передозировка наркотикосодержащего вещества приводит к невозможности человека выполнять свою работу. Однако, как заявляет Габриель, мир не является только цепочкой жестких причинно-следственных связей. Кроме них существуют еще и «основания»: «нечто произойдет лишь тогда, когда кто-то захочет следовать этим основаниям» [1, с. 243]. Например, отказ от работы вполне может быть связан с присоединением к забастовке. При этом, по мнению Габриэля, «причины» и «основания» управляют нашим поведением вместе, составляя совокупность необходимых условий действия. Это не что иное, как взаимодополнение внешних факторов и внутренних мотиваций, которые образуют комплекс, обуславливающий человеческую активность.

В связи с рассматриваемой проблематикой значительный интерес представляет предположительное существование «гена преступления» («ген воина», так как речь идет преимущественно о насильственных преступлениях) — моноаминоксидазы, — «отвечающего за преступное поведение людей». С точки зрения специалистов, «данный ген не позволяет расщепиться адреналину и серотонину, в связи с чем организм испытывает нехватку этих гормонов, что провоцирует резкую агрессивную реакцию, способную привести к насилию». В то же время В. Н. Коваль справедливо указывает: «...наличие такого гена не может выступать однозначным основанием для вывода о фатальной обреченности лица к совершению в будущем преступления. Однако факторы социальной среды могут провоцировать активизацию данного гена, что выражается в агрессивности, совершении неконтролируемых поступков, к числу которых могут быть отнесены и преступления» [3, с. 24].

Выводы

Насколько угрозы постгуманизма являются реальными? Полагаем, что провозглашенная им «смерть человека» (или слухи о таковой) и прочие предсказания «антропологической катастрофы» несколько преувеличены. Да, постгуманизм

достаточно обоснованно ставит «под вопрос традиционный гегемонный дискурс, обычно отвергающий ценность различия, из чего следуют процессы дискриминации и гомогенизации» [10, с. 333]. Более того, он отрицает такую гегемонию. Но это не означает отказа от понятия человека и поиска его места в нашем, будем надеяться, лучшем из миров (включая мир права).

Можно также согласиться со стремлением постгуманистов осуществить «сдвиг от категорического мультикультурализма (основанного на дуализме “мы” / “они”) к плюрализму и разнообразию, представляя человека в качестве множественного понятия» [10, с. 327]. Не менее перспективной представляется идея постантропоцентризма, перехода «от технологии к экотехнологии» [10, с. 328]. Поэтому пафос постгуманизма, направленный против форм дискриминации «нечеловеческих» объектов (или «сущностей») в общем и целом представляется оправданным, если не забывать о том, что дискриминация между людьми пока не искоренена. Однако в вопросе о правовой агентности (правосубъектности) животных и тем более неодушевленных объектов он несколько преувеличен.

Такой вывод, как представляется, дает некоторую надежду на то, что человекоориентированное право пока сохраняет свое значение в нашем «дивном, дивном мире».

Список источников

1. Габриэль М. Я не есть мозг: философия духа для XXI века / пер. с нем. Д. Мировой. М.: УРСС; Ленанд, 2020. 304 с.
2. Гишинский Я. И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. 282 с.
3. Коваль В. Н. Генетика и формирование преступного поведения личности // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 9. С. 21–31.
4. Маяцкий М. Ad hominem и обратно. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 264 с.
5. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 3. С. 34–39.
6. Поляков А. В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 30–42.
7. Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронаука (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29–157.
8. Серр М. Договор с природой / пер. с фр. С. Б. Рындина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 222 с.
9. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алф-Пресс, 2015. 650 с.
10. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. В. Кралечкина; под ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.

11. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2020. 496 с.
12. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
13. Честнов И. Л. Перспективы и проблемы социокультурной антропологии права: ответ на критические замечания // Lex Russica. 2016. № 6 (115). С. 225–229.
14. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна: монография. СПб.: ИВЭСЭП, 2002. 285.
15. Connolly W. E. World of Becoming. Durham, 2011. 215 p.
16. Hickok G., Hauser M. (Mis)understanding Mirror Neurons // Current Biology. 2010. № 20/14. P. 593–594.
17. Libet B. Mind Time: Temporal Factors of Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 272 p.

References

1. Gabrie`l M. Ya ne est` mozg: filosofiya duxa dlya XXI veka / per. s nem. D. Mironovoj. M.: URSS; Lenand. 2020. 304 с.
2. Gilinskij Ya. I. Deviantnost` v obshhestve postmoderna. SPb.: Aletejya, 2017. 282 с.
3. Koval` V. N. Genetika i formirovanie prestupnogo povedeniya lichnosti // Lex Russica. 2023. T. 76, № 9. S. 21–31.
4. Mayaczkiy M. Ad hominem i obratno. M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2020. 264 с.
5. Pashencev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real`nosti kak vy`zov Levianu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya “Yurisprudenciya”. 2020. № 3. S. 34–39.
6. Polyakov A. V. Perspektivy` razvitiya rossijskoj filosofii prava v kontekste kognitivny`x issledovanij i nejronauchny`x danny`x // Rossijskaya yusticiya. 2022. № 12. S. 30–42.
7. Polyakov A. V. Postklassicheskaya yurisprudenciya, e`volyucionnaya teoriya i nejronauka (ispoved` kommunikativista) // Postklassicheskie issledovaniya prava: perspektivy` nauchno-prakticheskoy programmy`: kollektivnaya monografiya / pod red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2023. S. 29–157.
8. Serr M. Dogovor s prirodoy / per. s fr. S. B. Ry`ndina; nauch. red. O. V. Xarxordin. SPb.: Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022. 222 с.
9. Sociokul`turnaya antropologiya prava: kollektivnaya monografiya / pod red. N. A. Isaeva, I. L. Chestnova. SPb.: Alef-Press, 2015. 650 с.
10. Ferrando F. Filosofskij postgumanizm / per. s angl. D. V. Kralebchina; pod red. A. Pavlova; Nacz. issled. un-t “Vy`sshaya shkola e`konomiki”. M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2022. 360 с.
11. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2020. 496 с.
12. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
13. Честнов И. Л. Перспективы` i problemy` sociokul`turnoj antropologii prava: otvet na kriticheskie zamechaniya // Lex Russica. 2016. № 6 (115). S. 225–229.
14. Chestnov I. L. Pravoponimanie v e`poxu postmoderna: monografiya. SPb.: IVE`SE`P, 2002. 285.
15. Connolly W. E. World of Becoming. Durham, 2011. 215 r.

16. Hickok G., Hauser M. (Mis) understanding Mirror Neurons // *Current Biology*. 2010. № 20/14. P. 593–594.

17. Libet V. *Mind Time: Temporal Factors of Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 272 p.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2023;
одобрена после рецензирования: 22.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 13.11.2023;
approved after reviewing: 22.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.